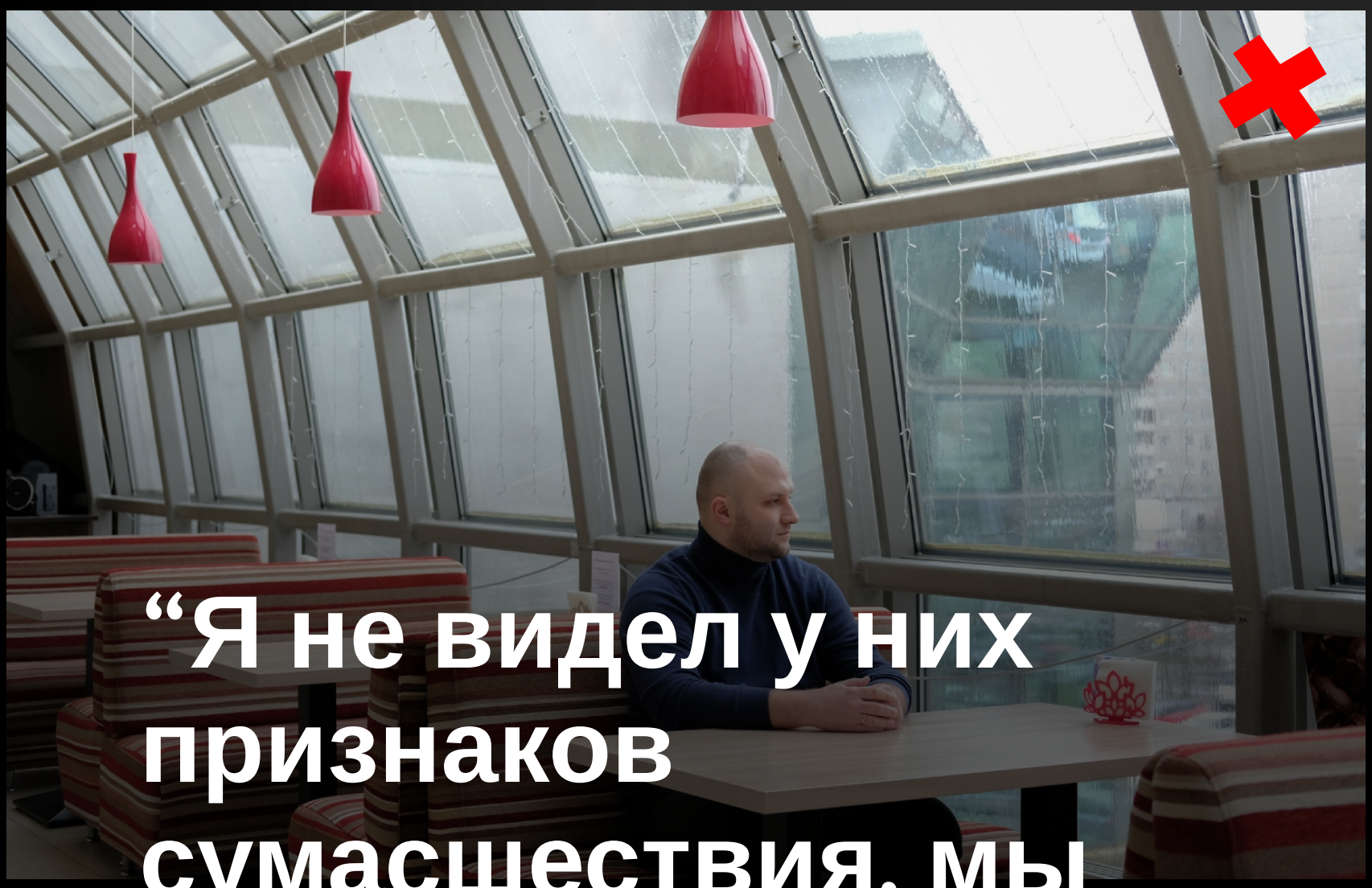

“Я не видел у них признаков сумасшествия, мы все были врагами. Это был суточный Холокост”

Алексей Нестеренко – врач-психиатр, многодетный отец – 10 августа возвращался с работы домой на велосипеде и пропал. Супруга трое суток провела в безуспешных поисках мужа без сна и покоя. Автозак, РОВД, тюрьма, суд - за 72 часа Алексей прошел все этапы пыток. И то, что его крестный путь начался с территории музея Великой Отечественной войны, - лишь добавляло абсурда происходящему. Уровень

Алексей Нестеренко,
врач-психиатр, заведующий наркологическим отделением РНПЦ психического здоровья

Возраст:
32 года

немотивированной жестокости и агрессии правоохранительных органов зашкаливал.

Автор: Команда проекта Август2020

Фото: Команда проекта Август2020

Жена говорила: “Не надо через эту стелу, сделай крюк”

“Еду домой”, - позвонил Алексей жене в пять вечера, сменив больничный халат на шорты с майкой. Летом он пересел на велосипед, а машину отдал жене, ей нужнее: у средней, пятилетней дочери - инвалидность, болезнь Пертеса, нужно постоянно возить малышку на физиопроцедуры. А ему на велосипеде в хорошую погоду и с настроением 40 минут езды. Путь проходил от РНПЦ психического здоровья мимо стелы до метро “Молодежная”. Обычный маршрут. Необычен был лишь день - следующий после президентских выборов.

– Грохот, взрывы – все это происходило буквально у нас под окнами, все было

Город:
Минск

Когда:
10.08.2020
возвращался с работы на велосипеде, был задержан, избит и отправлен в тюрьму в Жодино

Где держали:
ночь на коленях во внутреннем дворике Октябрьского РОВД, еще две ночи в тюрьме №8 в Жодино

Заключение врача:
ЧМТ легкой степени,

слышно, - Алексею до сих пор тяжело вспоминать те дни. - Утром мне на работу. Жена говорит: “Не надо через эту стелу, поезжай по Орловской, сделай крюк”. Орловская тогда была вся на ремонте. Я тогда сказал жене: “Ну чего я в своей стране, в своем городе буду прятаться и добираться обходными путями? Я ничего не делаю противоправного. Поеду по своему маршруту”. В телеграм-каналах проскакивала информация, что ожидаются митинги в семь-восемь часов. Но у меня рабочий день заканчивается в пять, и я подумал, что успею проскочить домой.

Супруга Ольга тот вечер помнит посекундно. С Алексеем они вместе со студенческой скамьи. Оба - врачи-психиатры-наркологи. И работают в одной больнице, только в разных отделениях. Ольга посмотрела на часы, с минуты на минуту должен вернуться:
– Я поставила суп в микроволновку. Жду. Не заходит. Пять минут - не

сотрясение головного мозга, ссадины и ушибы головы, тела, кровоподтеки спины, правого плеча и предплечья, потеря чувствительности, онемение кистей, компрессионно-ишемическая невропатия локтевых нервов
PDF

Последствия:
первые месяцы - острая реакция на стресс, тревога, бессонница, приступы сердцебиения, отсутствие аппетита, онемение рук с внутренней стороны

заходит. Звоню - недоступен. Может, разрядился телефон? Может, пациент новый поступил? Звоню коллеге на работу: “Давно выехал”. Начинаю волноваться: что-то не то, муж никогда не задерживался. Он настолько домашний: работа-дом-семья-дети – мечта любой женщины. Первая мысль: авария! Стала шерстить по новостям “велосипед-машины-ДТП”.

Алексею до дома оставалось минут 10-15 максимум. На проспекте Машерова у дороги стоял автозак. От него быстрым шагом отделилась фигура в черном и ринулась велосипеду наперерез с криком “Стоять!”:
– Стою. Силовик крепко ухватился за велосипед: “Я считаю, что вы понимаете, почему я вас останавливаю. Ваши документы!”. За спиной выросли еще две фигуры в черном. Документов при себе не было. “Разблокируйте телефон!” Посмотрели фото, сообщения, телеграм: “О, у него еще и интернет работает! Все, пакуем!”

от
локтей
до
кончиков
пальцев

#август2020

#минск

#автозак

#протокол

#велосипед

#омон

#травмы

#лицомвпол

#избиения

#октябрьскоерувд

#жодино

#суд

#стяжки

#следственныйкомитет

Сеть исчезла еще накануне. Алексей установил сервис для обхода блокировки и текстовые сообщения с трудом, но грузились. Это, по его мнению, и было главной причиной его задержания:
– Передо мной велосипедист ехал, мужчина за 50, его остановили и отпустили. А меня забрали. За что?
Видят: едет здоровый мужик, лысый, на велике, с рюкзаком, да еще и интернет у него работает, и на Нехту подписан.
Начинаю объяснять: “Я врач, бюджетник, да меня с работы выгонят, если я попаду в какую-то передрягу, домой еду, вот мой дом”. Думал, то, что я врач - мне поможет. Но им было все равно: “Что-то у вас значит идеологический отдел плохо работает”. Держит мой велосипед, второй рукой берет меня под руку, пока еще “ласково”: “Иди сам или зае*ошим сейчас”.
И в этот момент все разделилось на “до” и “после”.

Берет меня под руку, пока еще “ласково”: “Иди сам или зае*ошим сейчас”. И в этот момент все разделилось на “до” и “после”

Алексея подвели к дверям автозака. Первое, что бросилось в глаза, - стены и пол, залитые кровью. И тут же пришелся первый удар дубиной по спине. Заломали за спиной руки, пригнув лицом к земле: “Животное, тварь, пошел, быстро-быстро-быстро”. И закинули в “конуру” задней части спецтранспорта, где уже были люди. Полшестого вечера. В городе на тот момент было совершенно спокойно. Они выхватывали абсолютно случайных людей. Один, студент, на самокате ехал. Другого, мужчину лет 40, забрали,

когда он из магазина шел, его жена за творогом послала, его дом рядом.

– Я еще удивился, когда увидел, что омоновцы пакет с продуктами разбирают: как они в такой экипировке в магазин ходят? Многих из парка Победы тащили. Никаких объяснений никто и слушать не хотел. Загрузили и повезли. Нас было восемь. Куда едем - не видно. Вместе считали повороты. Судя по всему это была площадка за музеем ВОВ. Начали по одному выводить и перегружать в другой автозак. Снаружи слышен гул толпы: У-у-у-у-у-ууу. Клянусь, как на футбольном матче. Ощущение, что тебя там готовятся убивать. Ты плывешь сознанием, картина мира рушится.

Открывается дверь, тебя хватают за шкирку, руки заламывают, мордой вниз, “пошел, тварь, животное,

сука, быстро”. От входа до входа двумя шеренгами стоят омоновцы. Ждут, накручивают себя: “У-у-у”. Ты пробегаешь через эту “аллею” в полусогнутом состоянии, лицо на уровне колен, ничего не видишь. И со всех сторон тебя лупят дубинками. В голове полное непонимание, сумбур. Ожидание того, что сейчас разберутся и отпустят, отпало само собой.

“Стакан” в автозаке - это металлический шкаф метр на метр с лавкой. Если на нее сесть, колени упираются в стену. Из вентиляции - три дырки вверху и внизу. Сверху тусклая лампочка в защитном коробе, который занимает половину пространства потолка так, что стоять прямо невозможно. Места в лучшем случае для двоих:
– Нас было пятеро в этой консервной банке. Мы стояли в полусогнутом состоянии друг у друга на ногах, на полу лежал человек, весь в крови. Всего в Октябрьском РУВД, куда нас привезли, было 65 задержанных, по их же

словам. И это шесть-семь вечера, до начала беспорядков в городе!

К 7 вечера Ольга оставила детей на соседку, взяла документы и пошла в милицию писать заявление о пропаже мужа. Путь лежал через Кальварийскую, где уже собирался народ и все “кипело”. РОВД было закрыто. Сотрудники общались через микрофон на дверях. Заявление не приняли. Посоветовали: “Обзванивайте больницы, морги, если там ничего, подойдете”:
– Интернета нет, по справочным узнаю телефоны больниц, СИЗО, РОВД. Дети спят, а я обзваниваю морги и описываю, как он выглядел, какого возраста. Они листают журналы, сообщают, есть похожий человек или нет. Ощущения еще те! В 102 - не дозвониться. Из девяти РОВД трубку сняли только в двух. В 11.00 вечера меня подменила подруга, а я поехала в Центральное РОВД. Но и там не стали разговаривать. Возле забора стояли сотрудники, я - к ним. Один сжалился,

позвонил куда-то, сказал, что в списках задержанных нет.

Куда дальше? Все перекрыто, навигатор не работает, вокруг митинги, я останавливалась возле постов милиции, пыталась что-то узнать, не знаю, каким чудом меня не задержали. В два часа ночи вернулась домой и опять села на телефон. Сна ни в одном глазу, сильнейший выброс адреналина. Мне удается дозвониться в 102. Девушка милым голосом: “Давайте, приму заявление, к вам выедет сотрудник”. Я прождала до утра, никто так и не приехал.

Со всех сторон тебя окружает насилие

Все это время Алексей стоял на коленях, уткнувшись лбом в асфальт со стянутыми за спиной руками во дворике Октябрьского РОВД. Одежда после езды в душном автозаке была мокрая. К ночи от холода казалось, что застыла даже кровь. Разрешили лечь на живот, но по-прежнему носом в тротуарную

плитку. Стоило повернуть голову на бок, тут же подбегали и били. Смотреть на них было нельзя. Они будто боялись прямого взгляда, хоть и были в масках. Алексей стиснув зубы, молчал и терпеливо все сносил. Кто жаловался, просил о чем-либо - того беспощадно били. “Голова затекла? На тебе!” “Нога болит? Новая отрастет!”. “В туалет? Сцы под себя!” Люди лежали в крови, в моче, с разбитыми лицами, синими руками и ногами. Взрослые мужики выли и стонали от боли. Но чем больше ты возражал или кричал, тем больше их это раздражало.

– С самого начала, как ты туда попадаешь, тебя со всех сторон окружает насилие. Татуировка на ноге? По ноге ударят. На руке - руку отобьют. Длинные волосы, сережки, татуировки - любые отличительные черты

вызывали агрессию. Все это шокировало. Я думал: “Я же ничего не делаю, не сопротивляюсь, не оспариваю твои указания, спокойно себя веду. Ты говоришь - на колени, я становлюсь на колени, ты говоришь - лицом в землю, я становлюсь и стою, сколько нужно, почему ты так агрессивно ко мне относишься?” Ты выполняешь все их приказания, но при этом они тебя ненавидят: “Тварь, у*бок, мудак, животное”.

Они издевались с чувством полной безнаказанности. Это напоминало армейскую дедовщину, когда парней поднимали и хором заставляли кричать: “Минский ОМОН самый лучший!”. Если они не в унисон кричали - их били и заставляли начинать сначала. И эта жестокость, как зараза, распространялась на всех:
– Кто-то, может, и хотел быть добрее, но глядя на других начинал повторять. Это было четко видно, когда омоновцы в РОВД привозили новую партию задержанных. До этого

сотрудники милиции подходили и ослабляли стяжки на руках или в туалет выводили. А когда приезжали омоновцы, снова вели себя жестко. Больше всего доставалось малолетним. У одного нашли шурупы в вещах и сказали, что он хотел пробить колеса автозака. Их лупили нещадно. А потом обзванивали родителей. Не представляю, каково было их мамам-папам.

Кто-то, может, и хотел быть добрее, но глядя на других начинал повторять. Это было четко видно, когда в РОВД привозили новую партию задержанных

Был такой вброс устойчивый, что ОМОН накачали таблетками, отсюда якобы жестокость и

выносливость. Алексей настроен скептически:
- Я не видел никаких признаков наркотического опьянения или сумасшествия, они были абсолютно адекватными. Их идеологически накрутили, что они идут на войну с врагами: делайте, что хотите, но должны их проучить. И они старались. Мы лежали в два ряда лицом в асфальт, а они на нашем фоне делали селфи. Глупые молодые ребята, уверенные в картине мира, которую для них нарисовали. Они думали, что они победители, задержали опасных преступников, что лично я бросал коктейль Молотова в их сослуживца.

Не было допросов. Поочередно всех поднимали, чтобы сфотографировать, снять отпечатки пальцев, нужно было сказать на камеру свои анкетные данные, расписаться в протоколе:
- Это был конвейер. В протоколе был написан какой-то абсурд, что на Партизанском проспекте я принял участие в несанкционированном

массовом мероприятии, двигался в составе группы лиц, выкрикивал лозунги: “Ганьба”, “Таракан” и “Жыве Беларусь”. Даже фамилия с ошибкой. Я возмутился, что вообще был в другом месте. Тогда они просто зачеркнули слово “Партизанский”, сверху написали “Победителей” и отвели меня дальше стоять на коленях.

Их идеологически накрутили, что они идут на войну с врагами: делайте, что хотите, но должны их проучить. И они старались

На рассвете повели в подвальное помещение, напоминающее конференц-зал, рассадили на стулья и начали проводить политинформацию. “На кого ты работаешь? Кто

тебе платил, признавайся?!” - поднимал силовик каждого за шкирку. Это были студенты лет 19-20. Они были напуганы: “Я не понимаю, о чем вы говорите”. Каждого били по голове: “Признавайся, сколько тебе заплатили, признавайся!”. Когда дошел до второго ряда, подустал и уже не поднимал по одному, а просто сверху дубиной всех колотил: “Перемен вам надо? Нате! Получайте!”.

“Сядь нормально! Голова - ниже колен” - впечатал он со злостью кулак в жестких перчатках в затылок Алексею. За столом сидели его сослуживцы и смеялись: “Вы нас мучили, теперь мы вас помучаем. Перемен вам надо? Так мы вам еще Цоя сейчас включим”. Потом снова - во двор на колени. Возмущение, гнев и

безумная усталость - все чувства в тот момент были на пределе...

“Сделать вдох - наивысшая степень счастья”

– Утром приехали бусики, и нас отвезли в Октябрьский отдел Департамента охраны МВД. Отвели в спортзал, руки перестегнули вперед, дали каждому воды, предложили сходить в туалет и даже спросили, есть ли жалобы на здоровье. Такая гуманность после 12 часов пыток была неожиданной.
Нам разрешили лечь на пол. После жуткого стресса, бессонной холодной ночи в неудобной позе без воды, еды, сна, с затекшими от стяжек руками, ободранными коленями, я моментально вырубился. Вскоре приехали омоновцы. Сказали, повезут на суд.

Руки опять за спину, голову - вниз и тебя с ненавистью тащат по лестнице так, чтобы ты спотыкался, ударялся обо все, лбом считал ступеньки. И с разгона, с

силой закидывают в автозак. Я ударяюсь головой об косяк и чувствую песок во рту - откололся кусок зуба. Теперь в “стакане” нас четверо. Куда едем - никто не говорит. Мы поняли, что выехали за город, когда перестали поворачивать и останавливаться на светофорах. Сразу предположили, что в Жодино. Если бы я знал, что на Окрестина тогда происходило, я бы обрадовался, а так мысли только, как буду добираться назад, как сообщу семье, что я там.

У тюрьмы собралось очередь из автозаков. Железные фургоны, битком набитые людьми, часами стояли на разгрузку. Это было самое тяжелое испытание:
– Когда машина едет, воздух проникает минимально через дырки в двери. Когда стоит - вентиляции нет вообще, все законопачено. А на улице - плюс 22. Жарко. Пот градом. Движения нет. Воздуха не хватает. Мы стоим вплотную друг к другу, мой пот течет на

других, их пот - на меня. На стенах испарина такая, что капли стекают. Хуже, чем в бане. Воды не дают. Голова кружится. Просим: “Откройте дверь. Мы не будем разбегаться”. - “Счас-счас”. У одного задержанного началась паника: “У меня больное сердце, я сейчас умру, откройте”. В соседней камере кого-то стошнило, потом еще кому -то стало плохо.

В тот момент у меня началась деперсонализация-дереализация, как будто это все не со мной происходит, ощущение нереальности, отчуждения, когда сознание как бы отплывает в сторону как в полусне. Такое бывает при высокой температуре, за 40. Тогда они начали открывать двери и давать воды, вырывая бутылку после первого же глотка и отдавая следующему. Эти

три часа кошмарной душегубки, после которой возможность сделать вдох - наивысшая степень счастья. Есть, чем дышать - уже хорошо.

Мы стоим вплотную друг к другу, мой пот течет на других, их пот - на меня. На стенах испарина такая, что капли стекают

Тем временем Ольга отвела младшую дочь в сад и бегом на Окрестина. В какую дверь не постучится - везде грубо отвечают, чуть ли не прямым текстом посылают. У забора толпа людей, все - в первый раз, никто не знает, что делать. К счастью, нашлись волонтеры, которые начали составлять списки. Но это может и час, и день пройти, чтобы узнать, есть ли здесь человек, который

тебе нужен. В этот же день Ольга была у ворот тюрьмы в Жодино. И там - толпа людей. На посту охраны грубо отмахнулись: “Ничего не знаем, списков нет, пошла вон. Поезжайте в СИЗО”.

Ольга объехала все РОВД, пытаясь узнать, за что задержали мужа и где он. В Октябрьском РОВД ее встретили едва ли не с распростертыми объятиями: “Да, действительно был такой, помним, отправили в тот же вечер, с вещами и велосипедом. Ой, что ж он не сказал, что врач”.
– Я уехала со спокойной душой, благодарила их и думала, какие хорошие люди... Тогда я еще не знала, что там их сутки избивали, – вспоминает Ольга.

И вот она опять у тюрьмы: “Мне сказали, что он здесь, я привезла ему теплые вещи”. В ответ: “Списков у нас нет. Будут списки - будет человек. Нет списков - нет человека”.

Тюрьма. Ни одной асоциальной личности

Конвоиры в Жодино приняли Алексея и его товарищей спокойно, сразу сняли стяжки и вообще удивлялись, зачем их надевали. Кисти онемели, боль была такая сильная, что Алексей не мог поднять руки даже на 30 градусов. Повели по коридорам: дверь - к стене - дверь - к стене. Впервые шли нормально, а не головой в пол и руками вверх. Людей поступало очень много, и они едва справлялись с таким потоком. Процедура досмотра у врача происходила на виду у всей очереди: раздеваешься догола, присаживаешься - не дай бог, что-то пронес. Сотрудники тюрьмы, глядя на толпу избитых, опухших, черных от синяков и фингалов, с разорванными сзади штанами, были ошарашены: “Офигеть, минские жандармы там уже стараются”. Относились более-менее

по-человечески. Но условия были нечеловеческие.

- Камеры уже были переполнены. На десять коек 34 человека. Воздуха мало. Форточки открывались только на проветривание на 10 см. На прогулки не выводили, в душ - тоже (хотя по расписанию должны были), передачки не передавали. На кроватях - простыни и наволочки, но неизвестно, какой давности. Спали по-очереди, “валетом”, кто-то устраивался на столе, под столом, подстелив одеяло на пол. Духота. Заснуть тяжело. Свет горел круглосуточно. Но был кран с водой, и кормили! Перловка или сечка. И хлеб с компотом. На завтрак, обед и ужин.

Это были отдельные камеры, “для политических”. Некоторые еще с “бабариковских” времен сидели, с июля. Единственное приятное воспоминание тех дней - это люди, невероятная атмосфера поддержки. Сидели люди разных профессий: официант,

водитель такси, повар, доцент БГУ. Не было ни одной асоциальной личности. Играли в города, придумывали какие-то игры с хлебными кубиками. Это был особый мир. В этот же день привезли Андрея Ткачева, основателя инициативы ByCOVID-19 с другом Кимом, тайбоксером.

- Мне сразу лицо Андрея показалось очень знакомым. Во время первой волны пандемии он развозил по больницам маски, респираторы. Он был избит страшно, весь синий, вся спина была исполосована палками, разбита голова, его рвало. Мы пытались достучаться, чтобы ему вызвали скорую. Местный фельдшер посмотрела и решила, что помощь не нужна. Друг его тоже с трудом передвигался по камере: его больше били по ногам, от пояса и до пяток все было синее. Так избивать людей нельзя!

Самый гуманный суд в мире

Суд проходил на третий день после задержания. “И как же это вас так

угораздило?” - с укоризной вопрошла судья суда Логойского района по фамилии Сарахман. - “Что ж вы так неаккуратно. Надо выбирать маршруты!.. Ой-ой, трое детей, вы ж думайте, что вы делаете!” Выслушала историю и объяснения Алексея и заключила: “Давайте тремя сутками и ограничимся”. Через полчаса его повели за вещами.

Но в списках Жодино Алексея так и не было ни на следующий день, ни через день. Такое впечатление, что он пропал где-то по дороге. На помощь Ольга вызвала свекровь, отца, сестру мужа. Всей семьей они стояли под стенами тюрем. То в Окрестино, то в Жодино. Две ночи без сна. Тяжелее всего было объяснить детям, куда пропал папа:

– Каждый вечер мы вместе укладывали их спать и читали сказки: он сыну, я - дочкам, а потом - наоборот. А тут они вообще ложились сами. Мама круглосуточно на телефоне, то в Жодино, то на Окрестина. У них двойной стресс, пропали

оба родителя.
Спрашивают, где папа, а я не знаю, что сказать: первую ночь говорила, что он помогал раненым, вторую - лечил детей от коронавируса.

На третий день появилась информация, что людей начали выпускать. Ольга собралась на Окрестина. Знакомые предупреждали: “Не надо, там ОМОН задерживает тех, кто передачки принес”:
– А я в одну руку - свидетельство о многодетности, во вторую - об инвалидности. Думала, что это возымеет действие на тех, кто ослеп от ненависти к людям. Там была огромная очередь из машин. Только припарковалась, как позвонила незнакомая девушка: “У меня клочок бумаги с телефонами, ваш муж просил передать, что он в Жодино”.

Я в одну руку - свидетельство о многодетности, во вторую - об инвалидности. Думала, что это возымеет действие на тех, кто ослеп от ненависти к людям

Вернулись домой, полночи собирали передачку. В 8 утра в Жодино мы были 86-ми в очереди. Через два часа вышел сотрудник тюрьмы и сказал, чтобы не передавали ничего до решения суда. Мы знали, что по прошествии трех суток , если нет приговора суда, человека должны выпустить. Решили подождать. И до самого вечера стояли, как столбики у ворот, в самом начале длинного коридора из людей, ожидающих близких. В 18.30 он вышел.

Освобождение

Алексей шел на свободу с мыслями, как будет прятаться и добираться лесами домой. Была уверенность, что прямо на выходе, где-нибудь за углом схватят и привезут обратно. Даже супруге решил позвонить только, когда уже доберется до Минска, чтобы ее тоже не забрали:

– Ладно бы я один так рассуждал, но там у всех только об этом и разговоры: как выбираться, чтобы не засекли. Пройдя через суточный Холокост, люди были так сломлены, что панически боялись любого незнакомца. Убегали от волонтеров, которые предлагали бесплатно отвезти, босиком, в одном кроссовке, натянув на глаза капюшон.

До сих пор, когда прокручиваю в голове события тех дней, это психологически по мне бьет. Особенно, учитывая, что виновные не были наказаны и надежды все меньше, что будут

Алексей ожидал увидеть за воротами чистое поле, а увидел толпу и жену - в первых рядах. Люди протягивали фотографии: “А такого видели?”, “А такой сидит?”. Супруга спросила: “Тебя били?” Он ответил: “Нет”. А когда сели в машину, она увидела его разбитую лысую голову, запекшуюся кровь, синяки на спине:

- Я не жалею, что не поехал другой дорогой, что все это не прошло мимо. Это тяжелый опыт, который

сильно изменил мое восприятие жизни. Я вышел, и на меня хлынул поток информации за эти три дня. Как из ушата окатили. До мурашек. Въезжаем в город, а вдоль дорог - женщины с цветами. До глубины души проняло. Потом был “Марш свободы”.

Поначалу было плохо. Неделю ходил, как в тумане. Полная отрешенность и апатия. Несколько ночей не спал. Появилось бесконечное тревожное ожидание стука в дверь:
– Я думал, что за мной сейчас придут, проверял замки по десять раз за вечер. Супруга рассказывала, что в первую ночь я в забытьи выкрикивал какие-то нецензурные слова, что-то пел на непонятном языке с гримасой между “слезами и смехом”, вскакивал, но сам этого не помню. Это была острая реакция на стресс. Длительное время принимал антидепрессанты. Сейчас все позади. Но воспоминания еще не приобрели нейтральный тон. Хотя прошло полгода.

До сих пор, когда прокручиваю в голове события тех дней, это психологически по мне бьет. Особенно, учитывая, что виновные не были наказаны и надежды все меньше, что будут.

Алексей признается, что до августа был совершенно аполитичен, ни в чем не участвовал и считал, что это бессмысленно. Пройдя через пытки, будто проснулся:
– Я перестал молчать и терпеть, у меня появилась активная гражданская позиция. Страха нет. Есть ощущение, что я на правильной стороне. Я слово автозак узнал в сознательном возрасте, а моя трехлетка уже знает, что он из себя представляет, какого цвета, на людей в балаклавах показывает: “Это ОМОН”. По идее, ребенок должен знать, как выглядит скорая, милиция, пожарные. А автозак? Зачем это ребенку? Эти события, безусловно, войдут в учебники истории, как смена эпох и ценностей.

На работе коллеги поддержали Алексея, вступились перед руководством, для которого врач с активной позицией стал “неудобным”, даже пациенты встречали аплодисментами, зауважали: “Алексей Витальевич, а вы на какой хате сидели?” К велосипеду с тех пор Алексей не притрагивался. Стоит с погнутыми спицами как страшное напоминание. Да и музей ВОВ теперь вызывает неприятные ассоциации. Через некоторое время после произошедшего Ольга пошла в музей, чтобы узнать, можно ли получить доступ к записям с камер наблюдения. Но охранник лишь посмеялся: “Вы что, это территория сотрудников милиции, вам никто не даст эту информацию”.

P.S. Про таких как Алексей официальные власти потом говорили “попал под раздачу”. Но извинений никто не

принес. Алексей подавал жалобу на решение суда. Было три заседания. За это время в сети появилось видео избиений в Октябрьском РОВД. Житель дома, окна которого выходят на дворик РОВД, в тот день около 18 часов снимал то, что там происходило. И адвокат узнал на видео Алексея. Это было неоспоримое доказательство того, что его подзащитный не мог с 18 до 20 вечера участвовать в митинге, как было написано в протоколе. Адвокат настаивал, чтобы присутствовали свидетели, сотрудники, которые задерживали, но они не явились в суд, по скайпу на связь не вышли, и судья оставила все в силе,

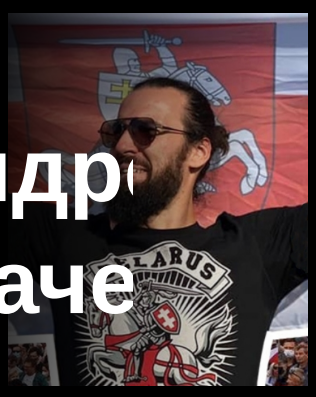
объяснив, что у нее нет оснований не доверять сотрудникам милиции. А видео свидетеля не сочла весомым доказательством невиновности.

На следующий день после освобождения Алексей снял побои, прошел судмедэкспертизу и подал заявление в СК по факту избиений. Заявление приняли, но с тех пор ни слуху ни духу. До сих пор не готова судебная экспертиза. На просьбу ознакомиться с материалами проверки, прислали ответ, что проверка проводится, ничего сказать не можем. Зато Ольга получила ответ из РОВД на свое заявление о

пропаже мужа через полмесяца, когда супруг уже был дома. Текст был такой: “Ваш сын находится в Жодино”.

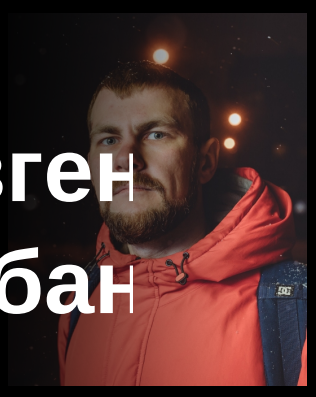
**Благодарим ПЦ "Весна" и Специальный проект 23.34 за помощь в подготовке материала*

Если вы пострадали во время мирных демонстраций и готовы рассказать свою историю, пишите нам на почту avgust2020belarus@gmail.com с пометкой "История". Мы с вами свяжемся. Спасибо

Андр Ткаче

основатель инициативы bycovid-19, "В

Евген Губан

30 лет, помощник директора, "Я